

Раздел 2. ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М. А. Гладко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

M. A. Gladko

LEXICAL MEANS OF ARGUMENTATION IN THE ADVOCATORY DISCOURSE

Статья посвящена исследованию языкового воплощения аргументирования в судебном адвокатском дискурсе. Аргументативное воздействие рассматривается с точки зрения использования трех типов апелляций: к эмоциям, ценностям и интеллекту. В статье рассматриваются виды данных апелляций, их функции и лексические средства их реализации.

The article is devoted to verbalization of argumentation in counselors discourse. Argumentation is viewed from the perspective of three types of appeals: to emotions, values and intellect. The article deals with types of the appeals stated, their functions and verbal means of realization.

Ключевые слова: аргументирование, апелляции к ценностям, апелляции к эмоциям, апелляции к разуму, символ, адвокатский дискурс.

Key words: argumentation, appeals to values, appeals to emotions, appeals to intellect, symbol, counselors discourse.

Ориентация современных государств на реализацию принципа справедливого разрешения правовых конфликтов, а также дискуссионность существующих правовых проблем способствует тому, что большие требования предъявляются к механизмам построения и презентации юридического дискурса, который является высокоаргументативным. К использованию слова в юридическом языке необходимо относиться с особой осторожностью. Через слово юрист получает доступ к специфическим механизмам управления мышлением и убеждениями людей. Слово имеет важное, если не определяющее, значение для решения вопроса жизни и смерти в том случае, если идет речь о судьбе обвиняемого в судебном заседании. Именно поэтому исследование судебного дискурса с позиции языковых средств, обеспечивающих убеждающее воздействие, представляет особый интерес как для лингвистов, так и для юристов.

Аргументирование в юридическом дискурсе дифференцировано в зависимости от типов дискурса: судебный дискурс (представленный обвинительной, общественно-обвинительной, общественно-защитительной и самозащитительной речами) и научный юридический дискурс (образцами которого являются научные статьи, правовые документы, тексты толкований закона и т. д.). Наиболее репрезентативными в плане реализации аргументирования в юридическом дискурсе является судебный дискурс в наиболее яркой его части – выступления адвокатов в суде. Выступления видных адвокатов считаются главным видом аргументативного дискурса, а аргументация в суде – образцом аргументации [Порубов, 2001, с. 45]. Адвокат использует все способы и приемы для защиты своего подопечного, в связи с чем его речь является достаточно показательной. Речь адвоката более свободная, более полемичная, чем обвинительная речь.

Целью данной статьи является установление особенностей лексических средств аргументирования в адвокатском дискурсе. Для достижения данной цели нами выявлены и проанализированы типы интеллектуальных, эмоциональных и ценностных апелляций и лексические средства их воплощения.

В статье анализируются заключительные речи адвокатов 21 в. по уголовным делам (общий объем материала составляет 50 судебных речей).

Адвокатскую речь составляет единая, цельная система аргументирования, при компоновке которой доминирующим является принцип сочетания рационально-логического, эмоционально-риторического и аксиологического аргументирования. Это обуславливает набор средств воздействия на аудиторию. Убеждение достигается, во-первых, содержанием логических доказательств, посредством **апелляций к разуму, интеллекту**, во-вторых, эмоциональным воздействием на аудиторию, умением вызывать у нее соответствующие обстановке эмоции и настроения – **апелляции к эмоциям**, в-третьих, посредством актуализации ценностных установок аудитории, которая реализуется **апелляциями к ценностям**.

Что касается дистрибуции рациональных и эмоциональных апелляций в защитительном дискурсе, то интеллектуальные апелляции концентрируются в последовательностях аргументативных (доказательство, опровержение) и представляющих (повествование, описание). Эмоциональные апелляции концентрируются в макроаргументах ‘обращение’, ‘воззвание’, ‘заключение’, а также в представляющих последовательностях. Концентрация эмоциональных апелляций в данных макроаргументах обусловлена интенцией оратора: в обращении – привлечь аудиторию на свою сторону, заразить интересом и эмоциями; в заключении и воззвании – оставить глубокий эмоциональный след в памяти слушателей, чтобы эти воспоминания в определенной мере повлияли на решение судебной аудитории. Подобное распределение способствует созданию “эффекта края”, заключающегося в том, что информация, находящаяся в начале и конце речи, запоминается лучше.

Одной из основных задач аргументирования адвоката является установление, определение и оценка фактов, с которыми должен согласиться адресат. Для согласия и присоединения аудитории к позиции оратора необходимо, чтобы он соблюдал рационалистический канон ясности, отчетливости, полноты, логической последовательности речи [Ивакина, 2002, с. 44]. Убедительность речи зависит от обоснованности, надежности и достоверности или правдоподобности аргументов. Этому способствуют интеллектуальные апелляции (апелляции к разуму), которые слушатель вынужден принять и с которым должен согласиться в силу их логичности и рациональности. Воздействие на интеллектуальную сферу адресата в адвокатском дискурсе осуществляется посредством лексических средств, реализующих **апелляции к объективному положению вещей, ситуативным характеристикам явления, очевидному, логике, истинности, здравому смыслу**.

Объективизация речевого сообщения оратора обеспечивается путем **апелляции к объективному положению вещей**, которая реализуется посредством использования имен, чисел, подробностей, ссылок на закон. Впечатление достоверности создают имена собственные, числительные. Например, в данном фрагменте количественные данные приводятся адвокатом не только с целью объективизации сообщения, но также чтобы вызвать отрицательное отношение адресата к потерпевшему, издевавшемуся над своим отцом: *Со слов обвиняемого, сын за эти годы избивал его более сотни раз. Чтобы вырваться, обвиняемый дважды ударил потерпевшего кулаком в лицо* [Хвесеня, 2005, с. 34].

Формированию у адресата впечатления объективности речи оратора призвано употребление обстоятельств места, времени. Информационное насыщение аргумента

обогащается за счет конкретных аспектов описываемой ситуации: *Находясь в темной, неосвещенной кухне, она попыталась прорваться в прилегавшую комнату, где находилось охотничье оружие* [Хвесеня, 2005, с. 56].

Макроаргументы ‘доказательство’ и ‘опровержение’ построены на неверифицируемой пропозиции и в силу своего субъективного характера нуждаются в максимальном использовании средств, способствующих созданию эффектов точности и объективности. Эффект точности достигается тем, что все слова в интеллектуальных апелляциях используются в соответствии с их прямым значением. Точности способствует использование книжной лексики *отмечая все особенности, восстановление доброго имени, сохранение государственных средств*, юридических терминов. Данные термины обозначают процессуальные действия: *экспертиза, следствие*; квалифицируют действия лиц, имеющих отношение к рассматриваемому делу: *дача взятки, убийство*; номинируют лиц по профессии: *эксперт, следователь, работники прокуратуры*.

Описывая сцену преступления или обстоятельства, ей предшествующие, судебные ораторы пытаются создать наиболее выигрышную для обвиняемого картину. Этому способствует **апелляция к ситуативным характеристикам явления**, локализуемая в рамках макроаргумента ‘повествование’. Аргументативную нагрузку при реализации данной интеллектуальной апелляции выполняет, прежде всего, конкретная лексика, указывающая на реально существующие предметы и произведенные действия. Благодаря данной лексике высказывание предстает как знание о конкретных предметах, явлениях. Это, например, существительные, номинирующие предметы действительности: *дверь, нож*, части тела: *лицо, кулак*; глаголы движения: *бежать, подойти*. Конкретная лексика способствует возникновению у адресата ощущений натуральности, зримости сцены преступления, возникновению наглядных образов в сознании адресата. Так, адвокат описывает действия, которые произошли до или во время совершения преступления: *Сын стал стучать кулаком в дверь туалета, ломился туда силой. Ему удалось приоткрыть дверь и через образовавшуюся щель просунуть туда руку. Вот туда уже просунулось плечо, часть груди* [Хвесеня, 2005, с. 35]. Наибольшую коммуникативную нагрузку в рамках макроаргумента ‘повествование’ несут глаголы, которые представляют собой опорные точки, передающие основную информацию, создают впечатление динамичности и изобразительности, тем самым придают натурализм повествованию.

Аргументы, содержащие **апелляцию к очевидному**, формируются из обращений к фактам, к наглядному материалу, то есть к тому, что является для аргументатора и аудитории реально существующим, очевидным. Этот тип апелляций применяется с коммуникативной установкой на наблюдение (адресат, анализируя определенный материал, связывая его, например, с действующими законами, получает возможность как бы пронаблюдать за тем, что было или есть в реальности, какую оценку произошедшее может получить в соответствии с законом). Данный тип интеллектуальных апелляций наиболее характерен для макроаргументов ‘доказательство’ и ‘опровержение’. На лексическом уровне апелляция к очевидному эксплицируется лексикой с семами ‘наглядность’ и ‘очевидность’: *свидетельствует, видно из, очевидно, налицо, явно*.

Для акцентирования рациональности, логичности выводов (в рамках **апелляции к логике**) в адвокатском дискурсе используются сочетания средств логической организации речемышлительного процессаво-первых, во-вторых, следовательно, поэтому, вследствие этого лексическими средствами, выражающими аргументативные переменные (абстрактные существительные, образующие аппарат аргументативных терминов): *объективность, доказанность, убедительность*.

Аргументативной направленностью в адвокатском дискурсе обладает лексика, вербализующая **апелляцию к истинности**. Это преимущественно прилагательные *правильный/неправильный, верный/неверный, ошибочный*. Данные лексемы используются в значении '(не)соответствующий фактам', что повышает истинностный потенциал аргумента, так как данное значение осуществляет смещение субъективного мнения оратора в сторону объективного знания.

Для продвижения аргумента по шкале истинности в адвокатском дискурсе используется апелляция к знанию, представленная глаголами, эксплицирующими модус знания: *помнить, видеть, слышать, знать*. В семантике данных глаголов усилен эпистемический компонент. Восприятие является главным источником знания. Апеллируя к знанию адресата, оратор как бы обеспечивает его согласие со своими аргументами.

Наиболее частотным средством выражения ментальной сферы знания в адвокатском дискурсе являются глагол *помнить*, выполняющий функцию акцентирования наиболее важной для аргументации оратора мысли, значимого факта: *Вы помните, уважаемые судьи, оценку такого поведения обвиняемого со стороны Репейко* [Хвесеня, 2005, с. 71]. Основной функцией сенсорных глаголов *видеть, слышать* в адвокатском дискурсе является акцентирование определенной мысли, наличия (существования) какого-либо явления. Сенсорная лексика является аргументативно ориентированной, так как обозначает восприятие реально существующих объектов. Воздействие таких суждений основывается на принципе "я видел, значит, это существует": *Потерпевший, как мы видим, высказывает свое недоумение и даже выражает недовольство* [Хвесеня, 2005, с. 45].

Сигналами достоверности являются также фактивные эмотивы *сожалению, жаль*. В смысл аргумента с такими лексемами входит компонент "говорящий знает, что", который акцентирует уже имеющиеся знания об обсуждаемом объекте, аргументативно ориентирует высказывание на вывод "это достоверно", "это уже известно": *К сожалению, правда о погибшем такова, какой ее поведал нам его отец* [Хвесеня, 2005, с. 34].

Аргументы, содержащие **апелляцию к здравому смыслу**, представляют собой обоснования положений, обращенных к представлениям о пользе, правдоподобии или психологической достоверности данных, из которых исходит рассуждение. Здравый смысл утверждает реальность, упорядоченность и сложность действительности, ценность опыта. И в этом плане он разумнее, значительнее и сильнее логики [Волков, 2000].

Апелляция к здравому смыслу наиболее частотна для макроаргументов 'повествование', 'доказательство', 'опровержение'. Маркерами апелляции к здравому смыслу в адвокатском дискурсе являются: 1) сослагательное наклонение, которое помогает посмотреть на рассматриваемую ситуацию с позиции здравого смысла. Так адвокат объясняет поступок обвиняемого, не заметившего стоявшего рядом с машиной человека, что привело к наезду на последнего: *Если бы вы видели, как человек отходит от вашей машины, стали бы вы выходить из нее для того, чтобы удостовериться, что никого нет рядом?* [Хвесеня, 2005, с. 16]; 2) алетическое долженствование, связанное с объективными потенциями реального мира. Оно рассматривается как аналог логической необходимости, поэтому в судебной аргументации несет особое логическое ударение, которое повышает доказательность аргумента; 3) языковые маркеры – кванторные слова, посредством которых осуществляется ссылка на "фантомное человеческое множество" *каждый, любой (человек)*. Данные слова "дают не количественную оценку, а прагматически оценивают количество" [Николаева, 2000, с. 198]. Высказывание, содержащее кванторные слова, аргументативно ориентировано

на вывод “это факт”, так как наличие какого-либо множества людей, поступающих так же, как и обвиняемый, выполняющих такие же действия, создает реальность общепринятого, что оправдывает подсудимого, способствуют формированию ощущения правдоподобности версии оратора.

Эмоциональное аргументирование в адвокатском дискурсе строится на основе широкого репертуара эмоциональных апелляций:

- 1) к отрицательным эмоциям (например, к страху, возмущению и т. д.);
- 2) собственно положительной эмоции – уважению;
- 3) условно положительной эмоции (эмоции, настраивающей адресата на позитивное отношение к обвиняемому – жалости). Подобное сгущение эмоциональных “всплесков” в рамках адвокатской речи способствует эмоциональной напряженности.

В качестве семантических раздражителей (стимулов) эмоций в защитительной речи используется не эмоционально-экспрессивная, а нейтральная лексика, которая не содержит эмотивного компонента в структуре своего значения. В контексте актуализируется и вводится в фокус внимания эмосема. За счет наличия у нейтральных лексем скрытых глубинных эмосем, проявляющихся в контексте, производится необходимое оратору эмоциональное воздействие.

В адвокатском дискурсе лексическую основу аргумента, содержащего апелляцию к отрицательным эмоциям, составляет дескриптивная лексика с перцептивными значениями, которыми обозначается все, что может стать объектом сенсорного восприятия. С дескриптивной перцептивной лексикой связано четкое, яркое и наглядное представление, с ее помощью картина событий рисуется как очередность стоп-кадров, на которых адресат может хорошо “рассмотреть” и прочувствовать происходящее. Дескриптивные слова изобразительны, стимулируют зрительные впечатления, поэтому Н. Д. Арутюнова называет их словами с “портретным значением” [Арутюнова, 1999, с. 253].

Для введения адресата в состояние переживания страха перед насилием, физической смертью адвокаты используют перцептивную лексику, фиксирующую зрительные, акустические и осязательные “картинки”:

- 1) слух: *пальцы захрустели, крикнул в лицо;*
- 2) осязание: *нож давил, сдавливало (лезвие ножа);*
- 3) зрение: *со звериным лицом;*
- 4) дескриптивная лексика движения, которое также воспринимается посредством зрения: *идет, тянется рукой.*

Данная лексика позволяет войти в сферу переживаний и представлений другого лица, воссоздать перцептивную картину вместе с ним: *Солей В. П. “взбесился” и пошел на жену со звериным лицом и с угрозами “зарезу”, потянулся рукой за ножом Горбач прощалась с жизнью. Говорить она не могла: лезвие ножа сдавливало ей горло* [Хвесеня, 2005, с. 57].

Специфическим можно считать использование при апелляции к отрицательным эмоциям в адвокатском дискурсе лексики мира животных. Выраженная прилагательными и глаголами с явной негативной коннотацией *зверский, звериный, дикий, бешеный* (значение которых – жестокий, свирепый), *взбеситься*, она символизирует жестокость, бесчеловечность и призвана пробудить чувство страха за жизнь, здоровье: *Однако он продолжал стоять рядом и через несколько секунд взбесился и со “звериным лицом”, высказывая угрозы убийства, снова пытается взять только что брошенный нож* [Хвесеня, 2005, с. 57].

Особенностью реализации апелляции к отрицательным эмоциям в адвокатском дискурсе является наведение оценочной и эмотивной коннотаций на слова, нейтральные в оценочном и эмоциональном планах. Контекст выделяет эти

коннотации, которые интенсифицируют степень эмоционального воздействия. Эмотивами-стимулами являются существительные насилия и уничтожения, содержащие сему 'смерть', 'уничтожение' или 'угроза': *оружие, лезвие ножа, разрушение, угроза*. Существительные служат для выражения сущности угрозы, объектов или предметов реальности, способных уничтожить человека. Они употребляются ораторами для того, чтобы заставить адресата пережить страх, который ощущал подсудимый, что и заставило его совершить преступление, как утверждает оратор.

С помощью оценочно-экспрессивных прилагательных, содержащих сему 'смерть' или 'зло', оратор моделирует эмоцию страха, описывая действия человека и события как причину, ведущую к смерти, – *трагический, злоеущий, смертельный: Даже самое неосторожное движение пьяного человека, который с большой силой лезвием ножа давит на горло, могло привести к трагическим последствиям* [Хвесеня, 2005, с. 44].

Маркером апелляции к отрицательным эмоциям является семантическая группа глаголов с эмосемой 'презрение'. Это группа интерпретационных глаголов, которые "сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния" [Апресян, 2006, с. 145]. Использование интерпретативов уподобляется наклеиванию этикеток, которые преподносят информацию в нужном оратору свете, при этом затушевывают, возможно, совершенно иное содержание действий, явлений. В результате их использования ожидается, что аудитория отвергнет человека из-за негативных ассоциаций вместо того, чтобы удостовериться в истинности или ложности аргументации оратора.

Среди каузаторов отрицательных эмоций в дискурсе адвокатов наиболее частотными являются глаголы этической и истинностной интерпретации: *изворачиваться, не гнушаться, увливать, выворачиваться: Иногда ...он вот-вот готов покаяться, но, вероятно, инстинкт самосохранения заставляет его изворачиваться, лгать суду, препятствовать поиску истины* [Хвесеня, 2005, с. 47].

Апелляция к отрицательным эмоциям в дискурсе адвокатов может осуществляться посредством лексики с положительным значением, которая погружается в отрицательный контекст, где на фоне контраста проявляется отрицательный эмотивный смысл и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию. Эта лексика представлена прилагательными интеллектуальной и этической оценок, описывающими человека по морально-этическим качествам: *умный, сильный, храбрый*, глаголами поведения, действия. Например, глагол эмоционального состояния *наслаждаться*, обладающий положительной коннотацией, в аргументе адвоката получает ярко выраженный негативный смысл, контрастируя с лексикой страдания, боли и насилия: *стоны, крики, был насильно заточен*, в результате чего аргументу придается больший эмоциональный накал: *Невзирая на стоны и крики Ровина, раздающиеся из деревенского дома в Мостовлянах, куда он был насильно заточен Трофимовым, Кларсон наслаждался белорусским пейзажем и чтением некой книжицы...* [Хвесеня, 2005, с. 12].

Переходим к описанию аргументативного потенциала апелляций к группе положительных эмоций. Собственно положительная эмоция **уважение**, актуализируемая в адвокатском дискурсе, мотивирует индивида к оказанию помощи, содействия, что чрезвычайно важно для речи адвокатов. Данная апелляция характерна только для аргументов, обращенных к личности подсудимого.

Апелляция к эмоции уважения в адвокатском дискурсе строится на лексике, указывающей на действия, получающие одобрение общества, то есть общественно

значимые действия. Эта лексика затрагивает культурные категории-ценности 'труд', 'семья'. При этом апелляция к уважению основывается преимущественно на глаголах физического действия. Это можно объяснить тем, что представления о соблюдении/несоблюдении человеком данных ценностей в сознании людей связаны прежде всего с выполнением им определенных действий. В глаголах деятельности, например, *работал, зарабатывал* наличествует коннотация одобрения (подчеркивается трудолюбие, ответственность подсудимого за выполняемую работу и семью). Тем самым глаголы призваны создать стойкое положительное отношение адресата. Данные глаголы не содержат компонент 'эмоция' в семантической структуре их значения. Они заражают адресата эмоцией 'уважение' благодаря актуализации стереотипа, существующего в социуме – трудящийся человек уважаем и ценен для общества. Например, апеллируя к уважению, оратор описывает тяжелый труд своего доверителя. Дескриптивные глаголы нанизываются в цепочку, в которой каждый из них содержит дополнительный семантический компонент, конкретизирующий действия. В результате создается картина долгого и упорного труда в доме, семье: *Спорный дом должен принадлежать тому, кто рубил и тралевал лес, возил, пилил, укладывал его в стены, возводил крыши, настилал полы и потолки..., кто в нем жил, родил и воспитал в нем детей* [Хвесеня, 2005, с. 13].

Маркером апелляции к эмоции уважения являются рациональные прилагательные и частнооценочные этические прилагательные. Ораторами акцентируется постоянное наличие у подсудимого морально-этических качеств и качеств, положительно характеризующих подсудимого как профессионала. Для этого используются общеоценочные прилагательные, прилагательные этической и интеллектуальной оценки *честный, порядочный, добрый, законопослушный, деловой, знающий: Сахно честный и порядочный человек, честно и добросовестно служил для общества* [Хвесеня, 2005, с. 23].

Приступая к рассмотрению лексической актуализации условно положительной эмоции жалости, приведем высказывание П. Сопера о том, что великодушные, сострадание к слабым обладают способностью также неодолимо влиять на людей, как и личный интерес [Сопер, 1995, с. 261]. **Жалость** (сострадание) вызывается видом несчастья, которое постигает других людей. Апеллируя к жалости, адвокат стремится передать адресату информацию "окажите поддержку слабому".

Как показал контекстуальный анализ, лексическими сигналами апелляции к жалости в адвокатском дискурсе являются преимущественно эмоционально-оценочные лексемы.

Апеллируя к эмоции жалости, судебные ораторы представляют серию описаний жизненных обстоятельств подсудимого, его эмоциональное состояние, душевные движения: надежда, одиночество, отсутствие понимания. Ключевую значимость при этом имеет лексика с эмотивным смыслом 'страдание'. Так, лексикой эмоционального состояния 'страдание', представленной наречиями и существительными, создается эффект "туннельного восприятия", который моделирует трактовку информации адресатом в однозначном эмоциональном ключе: *нестерпимый, мучительный, страдающий*.

Особенностью используемых в адвокатском дискурсе существительных и глаголов с семой 'страдание' является то, что они перцептивны, обозначают различные объекты модуса восприятия (слух, осязание): *стоны, просьбы, боль, избиение, кровоточить*. Так оратор вводит описываемую ситуацию в микромир адресата, заставляя прочувствовать ее через перцептивную лексику, и таким образом формирует ответную эмоциональную реакцию – презрение к человеку, несущему страдание и боль, и жалость к страдающему.

Апелляция к жалости получает языковое представление лексемами, имеющими национальные эмотивные смыслы. Такие лексемы несут признанную отрицательную эмоциональную оценку в славянской культуре. Наиболее ярким средством выражения таких смыслов является лексема *беда*. Беда в адвокатском дискурсе становится одушевленной, представляется как материальное существо, которое оказывает разрушающее воздействие на обычно счастливую и спокойную жизнь. Беда представляется как человек, нападающий на другого человека, мучающий его. В аргументе адресату скрыто навязывается сообщение о том, что не подсудимый виновен в произошедшем несчастье, а нечто иное, предстающее в наделенном жизнью образе “беды”. Таким образом, адвокаты пытаются снять ответственность с подсудимого за совершенное преступление, перенеся ее на “беду”: *Беда заставила его поднять руку... Беда в жилище этих близких между собой по крови людей выросла до таких больших размеров, что загнала и столкнула их в тесном помещении ...* [Хвесеня, 2005, с. 28].

Как видим, эмоциональное аргументирование в адвокатском дискурсе ориентировано на внедрение сознания адресата в микромир подсудимого с тем, чтобы он (адресат) “прожил” фрагмент жизни обвиняемого.

В процессе убеждения не все сложные ситуации возможно разрешить с помощью логических рассуждений. Часто необходима опора на нравственные нормы, ценности, так как все явления в повседневной жизни человек оценивает через призму своих убеждений и ценностей. Таким образом, апелляция к ценностям обладает аргументативным потенциалом, способным повлиять на принятие адресатом точки зрения аргументатора. При этом аргументатор не пытается изменить систему ценностей аудитории, а лишь предпринимает попытку вступить в аргументативный диалог с их системой ценностей и на определенный период актуализировать в их сознании ценности, которые могут повлиять на принятие нужного адресанту решения.

При обращении к ценностным доминантам аргументативным зарядом обладают ударные, лозунговые слова– ключевые коннотативно нагруженные лексические единицы, апеллирующие к ценностям: *труд, закон, жизнь*. Эти слова являются эмоционально-экспрессивными “маяками”, дающими коммуникативную установку на положительное или отрицательное отношение к содержанию всего аргумента, к описываемому человеку.

В настоящем исследовании используется имеющаяся в аксиологии классификация ценностей: универсальные, национальные и витальные (экзистенциальные) ценности [Анисимова].

Наибольшая концентрация аргументов, содержащих ценности в адвокатском дискурсе, характерна для макроаргументов ‘обращение’, ‘повествование’, ‘описание’, ‘воззвание’ и ‘заключение’.

Наиболее распространенными ценностями в исследуемых речах адвокатов являются витальные ценности **семья**, **здоровье**, **жизнь**. Из них самой частотной выступает апелляция к ценности семьи. Ключевыми словами, вербализующими данную апелляцию, являются: *семья, родительский*, названия членов семьи: *мать, дети, ребенок, родители*. Такие слова используются в комбинации с эмоционально-оценочными лексемами, чаще всего негативной оценки *горе (для семьи), страдание, несчастье, испытание*, акцентирующими страдание и боль близких людей в случае осуждения обвиняемого. Слово *семья* употребляется в окружении лексем, выдвигающих в центр внимания идею необходимости защиты страдающих людей и активизирующие базовую потребность – потребность в защите: *нуждаться, нужен*, которая служит стимулом к вынесению снисходительного решения. Посредством данных комбинаций оратор стремится передать информацию “Семья обвиняемого нуждается в его заботе, материальной поддержке; нельзя разлучать любящих людей,

так как это причинит им страдания, гуманные судьи не могут этого позволить”: *Семья нуждается в своем защитнике, нуждается в содержании и заботе. У Котова Ю. М. есть мать. Она переживает свое, материнское горе. Она страдает молча* [Хвесеня, 2005, с. 45].

Ключевые слова, вербализирующие ценности ‘здоровье’, ‘жизнь’: (*слабое*) *здоровье, заболевание, (не)здоровый, жизнь, жизненный*, в ряде случаев используются для вызова эмоции жалости. С помощью такого сочетания оратор “играет” на лично значимых смыслах (здоровье и жизнь для каждого человека имеют большое значение), стремится вызвать ассоциации, непосредственно связанные с жалостью, состраданием: *боль, страдание, физическая слабость*. При этом ожидается, что судьи пожалеют человека со слабым здоровьем и вынесут если не оправдательный, то более мягкий приговор: *На скамье подсудимых находится глубоко несчастный, измученный, страдающий многими хроническими заболеваниями человек* [Хвесеня, 2005, с. 36].

Из универсальных ценностей в речах адвокатов представлены ценности ‘закон’, ‘истина’ и ‘справедливость’. Употребление лексем, актуализирующих данные ценности, объясняется целями адвокатского заседания, которым должны следовать судьи – поиск истины, вынесение решения в соответствии с законом, принципом справедливости. Ключевые слова *закон, законный, истина* используются в окружении лексем *могущество, служение, основан на (законе)*, выдвигающих в фокус внимания идею главенствующей роли закона и истины, справедливости. Ожидается, что данные ценности окажутся решающими и определяющими при вынесении вердикта.

Так, употребляя ценностно-значимое существительное *истина*, ораторы пытаются передать информацию “наш профессиональный долг найти истину, служить истине”. Истина же для ораторов заключается в вынесении судьями решения о невиновности подсудимого. Указывая на необходимость поиска истины, адвокат апеллирует к ответственности адресата за этот процесс поиска и его результат: *Кто-то справедливо заметил, что внимания и доверия достоин тот, кто пользуется словом для выражения мысли, а мыслью для служения истине. И поэтому не подлежит сомнению, что и Вы, уважаемые судьи, будете придерживаться того же мнения при оценке речей защиты и обвинения, и данных...* [Хвесеня, 2005, с. 67].

Использование слов, вербализующих универсальную ценность ‘труд’, в большинстве случаев придает аргументу положительную семантику, так как труд является яркой идеологизированной культурной ценностью общества, унаследованной с советских времен. Ключевыми словами, реализующими ценность ‘труд’, являются *труд, работать, работа, трудиться, трудолюбивый*. Ключевое слово *труд* используется в сочетаниях с положительно окрашенной лексикой: *высокая оценка, ценить, отдавать силы*. При употреблении данных лексем контекст активизирует глубинную эмосему ‘уважение’. Образ трудолюбивого, работающего человека призван вызвать восхищение, уважение адресата и, следовательно, настроить его положительно к описываемому человеку: *В своей работе Денисик руководствовалась только интересами банка. Она хотела работать, ценила свою работу, выполняла обязанности с душой* [Хвесеня, 2005, с. 44].

Отметим, что в проанализированных речах адвокатов не были зафиксированы лексические средства актуализации национальных ценностей.

Таким образом, в роли основных, наиболее распространенных в адвокатской речи и, следовательно, обладающих наибольшим аргументативным потенциалом ключевых слов, способствующих ценностной ориентации адресата, выступают слова, актуализирующие витальные ценности. Данные “программные” лексемы обеспечивают воздействие на сферу личных интересов и потребностей адресата.

Мощным аргументативным потенциалом в дискурсе адвокатов обладают слова-символы, выполняющие функции ценностной ориентации, интеграции и эмоционального воздействия. Адвокаты прибегают к символам, воплощающим доминантные ценности правосудия, то есть символам юридического характера: *весы (правосудия), богиня Фемиды, меч Фемиды*.

Весы, символ соответствия вины и наказания, используется как средство, объединяющее оратора и адресата для общей цели правосудия – определения наказания, соответствующего тяжести преступления. В силу своей смысловой нагруженности он используется для эмфатизации аргумента, имплицитной темой которого является тема об ответственности судей за свое решение. Одновременно с использованием ключевого слова *весы* в аргумент вводятся абстрактные существительные *долг, профессионализм*, которые в определенной мере являются предписываемыми. Данные сочетания используются в качестве предписания, рекомендации к совершению определенного действия – справедливого рассмотрения дела (т. е. оправдание обвиняемого): *Все добытое мы положили на чашу весов. Такими весами у нас являются долг, профессионализм, судейская совесть* [Хвесеня, 2005, с. 54].

Посредством символа *Фемиды* ораторы актуализируют ценность, значимую для работников правосудия – ‘справедливость’. Ораторы призывают судей в своем решении руководствоваться данной ценностью: *Мы знаем символ богини правосудия Фемиды, отраженный в нашей эмблеме – щит и меч. Поэтому Вам, товарищи судьи, необходимо принимать во внимание обстоятельства какотягающие вину подсудимых, так и смягчающие их* [Хвесеня, 2005, с. 58].

Таким образом, все типы апелляций в адвокатском дискурсе нацелены на моделирование согласия адресата с позицией аргументатора, на создание мотивации к желаемому действию. Важность данных апелляций при оказании убеждающего воздействия заключается в том, что поступающая информация получает высокий истинностный статус. Исследованные типы апелляций и лексические средства их воплощения способствуют оказанию аргументативного воздействия на личное и социальное “я” аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анисимова, Т. В.** Риторическая аргументация / Т. В. Анисимова. – 2007. – Режим доступа: www.volsu.ru/more/RES_C/tema/FYLOLOG/del_rit2.rtf
2. **Апресян, Ю. Д.** Фундаментальная классификация предикатов / Ю. Д. Апресян. – М., 2006.
3. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. 1999.
4. **Волков, А. А.** Курс русской Риторики [Электронный ресурс] / А. А. Волков. – 2000. – Режим доступа: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg>
5. **Ивакина, Н. Н.** Основы адвокатского красноречия / Н. Н. Ивакина. – М., 2002.
6. **Николаева, Т. М.** От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М., 2000.
7. **Порубов, Н. И.** Риторика: учебное пособие / Н. И. Порубов. – М. 2001.
8. **Хвесеня, М. И.** Судебные речи по уголовным и гражданским делам / М. И. Хвесеня. – Мн., 2005.